

Глава 3

Вопреки всем ожиданиям Цяо Сы, Инь Шаоцзюэ не только не покарал его, но и щедро вознаградил.

— Зачитывая указ, загляни и в поместье Цяо. Пусть министр Цяо тоже порадуетя.

— Слушаюсь!

Цзи Пинъань удалился.

Цяо Сы, совершенно не понимая, почему события приняли такой оборот, застыл на месте, словно поражённый громом.

«Что?!»

«Он что, спятил?!»

Он даже забыл поблагодарить за указ, лишь ошеломлённо смотрел на внезапно повеселевшего императора. Он никак не мог взять в толк, как его отчаянная попытка покушения — выхватывание клинка, бросок оружия — превратилась в доблестную защиту государя.

«Постойте, я ведь и вправду сначала остановил Лю Шу, вырвал у него оружие. Формально это можно так представить, но это же полный абсурд!»

«Только потому, что я не закричал: “Прими мой клинок!”? Но ведь кричать такое — глупо!»

«Психопат!»

«Я же убить тебя хотел! Жизни лишить! За что ты меня награждаешь, чёрт возьми?!»

Внешне Цяо Сы был настолько потрясён, что лишился дара речи, но в его голове бушевала буря. Помимо недоверчивых восклицаний, там роились лишь отборные ругательства.

Инь Шаоцзюэ делал вид, что ничего не слышит, продолжая играть роль великодушного и мудрого правителя. Даже лёгкая улыбка, застывшая на его губах, не дрогнула.

Взгляд его, однако, был полон мрака. Свысока он наслаждался красочным смятением Цяо Сы. В тот миг, когда яд начал действовать и юноша пошатнулся, император схватил его за руку. Его голос звучал мягко, но хватка была отнюдь не нежной. Он поднёс кровотокащую ладонь Цяо Сы к своим глазам, чтобы рассмотреть рану.

— И ещё, срочно позовите императорского лекаря Вана во дворец. Если откажется явиться, скажите, что ранен я.

— Что до министра Лю...

Инь Шаоцзюэ перевёл взгляд на Лю Шу, чьё лицо уже стало пепельно-серым, словно он был мёртв уже несколько часов. Император намеренно сделал паузу, ожидая, когда тот придёт в себя.

Но Цяо Сы забеспокоился первым и шагнул вперёд:

— Ваше Величество! Этот веер на самом деле...

«Ему угрожали злодеи!»

Лю Шу поднялся, молча опустился на колени перед императором и, склонившись, ударился лбом о землю.

— Виновный слуга... здесь.

— Отведите его пока в Небесную темницу. Когда у меня будет время, я допрошу его лично.

— ...Благодарю Ваше Величество.

Такой исход не стал для Лю Шу неожиданностью. Он, казалось, смирился со своей участью и, не произнеся ни слова в свою защиту, позволил страже увести себя.

«Слепец! Не отличает награду от наказания, собачий император!»

Видя это, Цяо Сы мысленно разразился проклятиями.

Инь Шаоцзюэ бросил на него глубокий взгляд, а затем покинул беседку, оставив Цяо Сы одного. Тот, чем больше думал о случившемся, тем сильнее закипал от гнева, и в конце концов просто сел на землю.

Какие награды, какие богатства — ему было всё равно.

Инь Шаоцзюэ, державший его в заточении несколько жизней, не мог внезапно измениться и проникнуться к нему симпатией.

Император не любил его, и Цяо Сы примерно догадывался почему — из-за его фамилии.

Но почему он наградил его сегодня? Он не понимал и не хотел об этом думать.

В конце концов, это всего лишь награды.

Семья Цяо тоже любила устраивать пышные представления, выставляя богатство напоказ. С виду они осыпали его милостями, давали деньги, выделяли двор и слуг, но на деле ничего из этого ему по-настоящему не принадлежало.

Золотом и серебром он не мог распоряжаться по своему усмотрению, во дворе ему принадлежала лишь одна комната, а слуги были шпионами.

Раньше он этого не понимал, но теперь прозрел.

Награды императора, скорее всего, были из той же оперы.

Дворец Линьхуа — вероятно, лишь другое название для тюрьмы.

Но если подумать... может, он не так уж и отдалился от своей цели — истребления девяти поколений?

Цяо Сы погрузился в свои мысли, размышляя, какое бы великое преступление совершить в следующий раз, чтобы его наконец-то казнили вместе со всей роднёй, как вдруг услышал шаги.

Несколько молодых евнухов подбежали, уложили его на носилки и вынесли из императорского сада.

Паланкин не подготовили, и дорога была тряской. Цяо Сы чувствовал, что его вот-вот укачает до потери сознания. Он махал руками, пытаясь попросить их идти помедленнее, но его никто не слушал.

Однако евнухи были проворны, и к тому времени, как Цяо Сы отдышался и смог говорить, они уже были на месте.

Подняв голову, он увидел, что это не Ведомство императорской медицины.

А тот самый дворец Линьхуа.

И, что самое удивительное, император уже ждал внутри.

Видно было, что он с комфортом доехал на паланкине по короткому пути.

Дворец Линьхуа до этого пустовал. Он располагался недалеко от императорского сада и кабинета. Сейчас его спешно прибрали, но ощущение заброшенности и упадка никуда не делось.

Здесь не чувствовалось жизни, было сумрачно. За главными воротами царила зловещая тишина. Император в тёмном халате с драконами стоял внутри, и его глаза отчётливо выделялись в полумраке.

Цяо Сы: «?»

Что-то не так.

Это точно дворец Линьхуа?

А не дворец Ямы, царя преисподней?

Он тут же сел и торопливо проговорил:

— Я... я вдруг почувствовал себя гораздо лучше...

Но молодые евнухи, не обращая внимания на его сопротивление, занесли его внутрь и уложили на мягкую кушетку.

Инь Шаоцзюэ не уходил. Он сел на стул из сандалового дерева неподалёку и тихо приказал:

— Императорский лекарь Ван, сначала сделайте господину Цяо иглокалывание, не дайте ему потерять сознание.

Императорский лекарь Ван (□) был уже в годах и должен был прибыть позже. Сейчас пульс Цяо Сы проверял другой лекарь Ван (□), его ученик, — помоложе, с ещё не поседевшими волосами.

Получив приказ, он молча достал из своего ящичка несколько серебряных игл и, подойдя к кушетке, приподнял одежду Цяо Сы.

Хоть на лице лекаря Вана не было никаких эмоций, Цяо Сы показалось, что к нему приближается зловеще ухмыляющаяся матушка Жун.

Он вскочил как ошпаренный, словно перед смертью у него открылось второе дыхание.

— Я чувствую себя намного лучше! Я в порядке!

«На помощь!»

«Кто знает, эти иглы для лечения или чтобы проткнуть мои смертельные точки?!»

«А-а-а, неужели собачий император решил не наказывать меня на людях, чтобы тайно прикончить здесь под видом “несчастливого случая”?!»

«Нет пыткам! Нет тёмным делишкам!»

— Не двигайтесь! — лекарь Ван схватил его за плечо, силой укладывая обратно на кушетку. — Не ребячьтесь!

Цяо Сы почувствовал, что у него вот-вот случится приступ боязни игл.

— Я правда в порядке! — чуть не плача, взмолился он. — Смотрите! У меня всего лишь малюсенькая царапина, ещё немного, и она сама заживёт!

— Цвет крови неестественный, губы посинели, пульс слабый. Господин, вы явно отравлены! Как можно говорить, что вы в порядке?

Лекарь Ван решил, что тот просто боится лечения, и неодобрительно покачал головой. Он позвал молодых евнухов, чтобы те держали пациента, и приготовился делать уколы.

— Если немедленно не начать лечение, вы можете впасть в кому или у вас поднимется сильный жар.

— Не поднимется! — продолжал сопротивляться Цяо Сы.

Лекарь Ван, полагая, что тот просто трусит, попытался его успокоить:

— Его Величество наблюдает. Прошу вас, господин, не усложняйте мне задачу.

Его Величество?

Услышав это, Цяо Сы посмотрел в сторону Инь Шаоцзюэ.

Император, всё в том же простом халате, сидел на сандаловом стуле, казалось, совершенно не интересуясь происходящим.

Его холодные глаза в полумраке комнаты казались ещё глубже. Когда он медленно поднял взгляд, воздух вокруг словно застыл. В его зоре не было и намёка на заботу, наоборот, Цяо Сы почувствовал, как по спине пробежал озноб, словно на него уставился хищник.

Это был не взгляд человека, беспокоящегося о больном.

Это был изучающий, оценивающий взгляд надзирателя, который следит, чтобы никто не смел ослушаться.

Цяо Сы: «...»

«У-у-у!!!»

«Ужасный тиран! Он ещё и лично следит, чтобы я претерпел нечеловеческие муки!»

«Неужели он так меня ненавидит, что, не имея улик, решил тайно пытаться меня?!»

Инь Шаоцзюэ: «...»

А это неплохая идея. Можно будет взять на заметку.

Мысли Цяо Сы были очень шумными.

Но, несмотря на шум, они позволили Инь Шаоцзюэ кое в чём убедиться.

Так называемое покушение было лишь безрассудным, импульсивным поступком юнца.

В отличие от Лю Шу, готового к смерти, Цяо Сы, избалованный и не знавший трудностей, был труслив до мозга костей. Его можно было напугать до полусмерти, даже ничего не делая.

Что касается причин, по которым Цяо Сы его ненавидел и хотел убить, Инь Шаоцзюэ не спешил их выяснять.

— Я правда не умру! Честно! Клянусь! Я знаю своё тело!

Цяо Сы хотелось разразиться бранью, но он не смел, боясь, что его и впрямь начнут пытаться.

«На помощь!»

«Матушка Ван, умоляю, не колите меня, я во всём сознаюсь, ладно?!»

«А-а-а, собачий император!»

«Как мне им объяснить, что этот яд не смертельный, просто медленно выводится из организма?!»

«Это же отравка, которую старый хрыч Инь использует, чтобы контролировать своих подчинённых! Не тратьте зря силы! Никто, кроме того его приспешника, притворяющегося отшельником, не сможет приготовить противоядие! У-у-у...»

«А-а-а, лжец, это всё ты, всё из-за тебя, собачий Цзинь-ван, чтоб ты сдох, у-у-у...»

Инь Шаоцзюэ: «...»

Хм.

Как ни посмотри, Цяо Сы был неопытным юнцом, действующим импульсивно и бездумно.

Император, сам того не заметив, вздохнул с облегчением, ощутив нелепость своих прежних подозрений.

А ведь мгновение назад он допускал мысль, что Цяо Сы, в отличие от остальных членов своей семьи, может быть бесстрашным смертником, лишённым всяких мирских желаний.

На самом деле императору была безразлична судьба одного из Цяо, даже если тот обладал странными способностями.

С самого начала он разместил в императорском саду множество тайных стражников, в том числе и лучников.

И Лю Шу, и Цяо Сы должны были умереть в той беседке.

Тогда семья Цяо, ради своего любимого младшего сына, докопалась бы до истины и выявила бы стоящих за Лю Шу людей. Обе стороны вцепились бы друг другу в глотки.

Но эти приготовления не понадобились. Он нашёл занятие поинтереснее, чем наблюдать за схваткой тигров с горы, и временно изменил свои планы.

В ближайшее время ему нужен был живой Цяо Сы. Если бы тот оказался смертником, использовать его было бы затруднительно.

К счастью, Цяо Сы действительно был труслив.

Чем глупее, тем легче управлять. Чем порочнее, тем удобнее использовать. Чем трусливее и слабее, тем проще контролировать.

— У-у-у, умоляю! Ещё немного, и я стану похож на решето!

Цяо Сы так отчаянно сопротивлялся, что лекарь Ван весь взмок и невольно обернулся, чтобы посмотреть на реакцию императора.

К его удивлению, император, обычно крайне нетерпеливый, на этот раз был необычайно спокоен. Он не рассердился и не упрекнул Цяо Сы в неподобающем поведении, а лишь молча, и, казалось, даже с хорошим настроением, наблюдал со стороны.

Через некоторое время он даже встал и начал прохаживаться неподалёку от Цяо Сы, словно очень беспокоился о здоровье своего подданного.

С каждым шагом Инь Шаоцзюэ шумные мысли испуганного и сопротивляющегося лечению юноши раздавались в его ушах.

Вскоре Инь Шаоцзюэ точно определил радиус.

Радиус, в котором он мог отчётливо слышать мысли Цяо Сы.

В пределах десяти шагов от Цяо Сы, вне зависимости от того, был ли тот возбуждён или подавлен, его мысли были слышны ясно.

Но стоило ему отступить на шаг, увеличив расстояние, как большая часть мыслей становилась неразборчивой, и доносились лишь отдельные, особенно эмоциональные выкрики или рыдания.

Так же, как и в императорском саду, когда он услышал безумный смех.

Если же отступить ещё на три шага, почти покинув комнату, то, как бы эмоционально ни вёл себя Цяо Сы, он не услышит ни звука.

Определив точный радиус, Инь Шаоцзюэ снова сел.

Лекарь Ван, не зная о мыслях императора, вновь посмотрел на дёргающего ногами, шумного и совершенно невоспитанного Цяо Сы и на мгновение задумался. Он решил, что Цяо Сы завоевал благосклонность государя, раз тот так беспокоится о нём, что даже не может усидеть на месте.

Никто не знал, какие подданные нравятся императору. Те, кто не был ему по душе, могли сколько угодно пытаться угодить и заискивать — всё было бесполезно. А те, кто ему приглянулся, могли, подобно господину Цяо, вести себя неподобающим образом и всё равно снискать его расположение.

К тому же, господин Цяо был очень молод, ему, кажется, не было и двадцати. Он был хорош собой, словно сошедший с картины. Такой наивный юноша, у которого все мысли написаны на лице, действительно был приятнее, чем старые лисы при дворе.

Лекарь Ван увлёкся своими размышлениями и, сам того не заметив, закончил процедуру. Цяо Сы весь взмок, а лекарь отошёл в сторону, чтобы выписать рецепт.

Когда иглы убрали, Цяо Сы затих, и его мысли тоже на время смолкли, словно от усталости.

Обычное лечение, а он вёл себя так, будто его пытали.

Действительно, неженка.

— Ваше Величество.

Через мгновение лекарь Ван подал рецепт императору на рассмотрение.

Инь Шаоцзюэ лишь мельком взглянул на него и равнодушно произнёс:

— На лекарствах не экономьте. Берите всё необходимое из моей личной казны.

Лекарь был поражён. В личной казне государя хранились редчайшие сокровища, и до сих пор не было случая, чтобы он жаловал из неё что-либо. Похоже, Цяо Сы действительно был в большой милости.

Но до этого он никогда не слышал о таком человеке при дворе.

— И ещё, — пока лекарь размышлял, как этот новый фаворит сумел добиться такого расположения, император снова заговорил, — с сегодняшнего дня ты остаёшься во дворце Линьхуа. Оставь все остальные дела в Ведомстве и до полного выздоровления господина Цяо будь здесь неотлучно, заботься о нём.

Лекарь Ван глубоко вздохнул и низко поклонился.

— Ваш слуга понял. Я немедленно всё исполню, Ваше Величество, не беспокойтесь!

Лекарь Ван наконец вышел, чтобы приготовить лекарство.

Инь Шаоцзюэ тоже поднялся и покинул дворец Линьхуа.

Как только шаги снаружи затихли, Цяо Сы, который только что казался слабым и бессильным, резко вскочил с кровати и направился к двери.

Нет! Император слишком непредсказуем! Так и с ума сойти недолго!

Он не может сидеть сложа руки!

Как говорится, если уж смерти не боишься, то чего бояться наказания за неповиновение указу?!

Цяо Сы быстро пришёл в себя. Он собрал все простыни во дворце Линьхуа, связал их в верёвку и обмотал вокруг себя.

Хм, с него хватит заточения!

Сегодня же ночью он сбежит из дворца Линьхуа и устроит в императорском дворце такой переполох, что мало не покажется!

Совершенно не подозревая, что за ним наблюдает тайная стража, Цяо Сы с боевым настроем принялся таскать столы и стулья, решив перелезть через стену.

Он поставил стол к стене, на стол — стул, а под ноги подставил скамейку. Наконец-то он смог дотянуться до края стены.

На самом деле, он был не очень хорош в таких вещах.

Ладони быстро покраснели, и он обмотал их тканью. Сил не хватало, и он карабкался, цепляясь руками и ногами.

Однако, едва взобравшись на стену, Цяо Сы почувствовал, что силы его покинули.

Странно, очень странно. Почему он так ослабел? Неужели это действие яда?

Он вытер пот со лба тыльной стороной ладони, тяжело дыша. В нос ударил запах еды.

Пустой желудок предательски заурчал.

Ах...

Как есть хочется.

Может...

Сначала поесть, а потом уже бунтовать и сбегать?

К тому же, побег вечером выглядит более продуманным. На сытый желудок и сил больше будет, и шансы на успех выше. А если поймают, то накажут.

Цяо Сы почесал нос и, устыдившись своей слабости, слез со стены.

Ужин как раз принесли во дворец Линьхуа. Молодой евнух, не поняв, почему вся мебель оказалась во дворе, потратил некоторое время, чтобы занести её обратно, и только потом расставил блюда.

Ужин был роскошным: тушёная свиная рулька, курица, утка, рыба — восемь блюд и суп. У Цяо Сы разыгрался аппетит.

Вместе с ужином прибыли и императорские дары.

Несколько крепких евнухов внесли тяжёлые деревянные сундуки, расставили их по залу и открыли, явив взору горы сверкающего золота, серебра и драгоценностей.

Главный евнух с улыбкой посмотрел на него и тонким голосом произнёс:

— Поздравляю, господин Цяо. Примите награду.

Щёлк.

На этот раз палочки Цяо Сы упали на стол.

Это что, всерьёз?!

Он думал, это просто запишут на его счёт...

Столько серебра он не унесёт с собой, когда будет перелезать через стену!

<http://bllate.org/book/13477/1578865>